

Вопросы задавал учитель, и первым он вызвал Первого принца. Остальных принцев он опрашивал по очереди, причём каждого не по одному разу. Это делалось для того, чтобы у учеников не возникало соблазна расслабиться сразу после ответа.

Прислушиваясь к происходящему, Цюй Дубянь понял, что Великий наставник Фан в основном сосредоточил внимание на трёх старших братьях. Вопросы были довольно разнообразными и охватывали классическое «Четверокнижие»: «Лунь Юй», «Мэн-цзы», «Да сюэ» и «Чжун юн». Наставник подбирал сложность заданий индивидуально, делая упор на учения Конфуция и Мэн-цзы.

Младшему, Шестому принцу, едва исполнилось четыре года. Он пришёл в учебный зал всего полгода назад, поэтому от него требовали лишь знания «Троесловия». Наставник Фан просто читал первую строчку, а малыш должен был продолжить.

«Похоже, хотя в истории моего мира не было никакой династии Чжоу, — размышлял Дубянь, — культурный фундамент здесь почти идентичен великим империям прошлого»

В итоге по ладоням получили Первый и Четвёртый принцы. Первого принца наказали за то, что наставник заметил подсказки сопровождающего его чтеца. Четвёртый же поплатился за то, что во время опроса беспрестанно зевал с таким видом, будто вот-вот уснёт прямо на месте.

Получив свою порцию ударов линейкой, Первый принц яростно зыркнул на слугу. Тот побледнел и принялся судорожно терзать рукав пальцами. Четвёртый же, как ни в чём не бывало, потёр глаза и уселся обратно.

Только после этого Великий наставник Фан перешёл к самому уроку.

Даже обучая две группы с совершенно разным уровнем подготовки, он чувствовал себя как рыба в воде. Раздав старшим принцам листы с заданиями, он повёл младших по строкам «Троесловия» и «Тысячесловия». Прочитав около трети, он остановился и начал разбирать значение каждого слова.

Во время объяснений Великий наставник любил расхаживать по залу. Лишь изредка он присаживался на стул за своим столом. Дубянь заметил на краю туфли старика небольшую заплатку, искусно подобранную в тон коже.

Мальчик слушал предельно внимательно. Его губы беззвучно шевелились, а память из прошлой жизни помогала безошибочно определять, на каком именно месте остановился учитель. Угольный карандаш в его левой руке то и дело оставлял пометки — Дубянь обводил наиболее сложные иероглифы, которые не удавалось запомнить с первого раза.

Некоторые значения и произношения слов отличались от привычных ему, поэтому он подписывал их упрощённым письмом или фонетическими значками. Для любого другого эти записи выглядели бы как бессмысленная мазня, но для самого Дубяня они были ключом к пониманию.

Постижение смысла было для принцев самой трудной задачей, но для Дубяня оно не составляло труда. Сейчас ему нужно было лишь связать новые знаки со своим багажом знаний, чтобы в будущем овладеть языком в совершенстве.

Цюй Дубянь в своём нынешнем двухлетнем теле учился так, что если бы наставник Фан внимательно за ним понаблюдал, то обнаружил бы: этот малыш ничуть не уступает вундеркиндам, которые в три года уже слагали стихи.

Снаружи Шести дворцов Восточного сада.

Вэнь Сяочунь и Е Сяюань прождали здесь довольно долго. Подобно родителям, впервые отправившим ребёнка в детский сад, они беспокойно жались к стене, то и дело заглядывая во внутренний двор. По счастью, поблизости не было патрулей, иначе им не избежать бы допроса.

Утром они ушли, не успев позавтракать, и теперь в животах у них гулко урчало. Е Сяюань мог поклясться, что слышал, как у Сяочуня заурчало по меньшей мере пять раз.

Сверившись с солнцем, Сяюань сказал:

— В отличие от старших принцев, которые учатся и после обеда, младшие проводят в Восточном саду только утро. Следи за временем. Когда солнце будет в зените, нужно пойти и забрать Маленького принца, пока занятия заканчиваются.

Вэнь Сяочунь кивнул.

— Я пойду приготовлю побольше еды, — добавил Е Сяюань. — Его высочество так усердно трудится, ему нужно много и вкусно есть.

Он достал из-за пазухи припрятанные сладости и передал их Сяочуню.

— Держи, перекуси. Тебе ещё нести его обратно, не хватало только, чтобы ты от слабости споткнулся и уронил принца.

— Хорошо.

Сяюань дал ещё пару наставлений и покинул окрестности Шести дворцов Восточного сада.

Близился полдень.

Великий наставник Фан закрыл книгу и раздал домашние задания Четвёртому, Пятому и Шестому принцам, которые во второй половине дня не учились.

— И не забывайте о том, что мы разобрали сегодня. Не смейте лениться, иначе в следующий раз дело не ограничится ударами по ладоням.

Маленькие принцы закивали в ответ.

Когда они собрали вещи, Первый принц со своими братьями тоже почтительно попрощались с учителем и отправились в боковой павильон на обед — их занятия должны были продолжиться позже. Между ними царил атмосфера чинного согласия и братской любви.

Но стоило шести принцам выйти за пределы учебного двора, как они тут же разбились на группы.

Первый и Третий братья обменялись парой колкостей, а Второй, пытаясь их примирить, увёл обоих в сторону обеденных покоев.

Младший, Шестой принц, едва миновав цветочный сад Восточного сада, бесцеремонно швырнул свои свитки Пятому брату.

— Эй, неси давай.

Пятым принц молча поднял книги и покорно поплёлся следом. Четвёртый принц, казалось, даже не заметил этой сцены. Он лениво протянул руки к своему маленькому внуку:

— Устал. Неси меня.

Под столом в это время Цюй Дубянь крепко спал.

Детское тело не выдержало умственного перенапряжения. Когда наставник закончил разбирать первую треть «Троесловия» и велел младшим практиковаться в каллиграфии, Дубянь попытался слушать то, что объясняли старшим. Но без учебника перед глазами уловить

суть тонкостей «Четверокнижия» было невозможно. Сонливость взяла своё: обняв недоеденный коржик, мальчик задремал.

Пока в зале звучали голоса, он на подсознательном уровне сохранял осторожность и спал тихо. Но стоило принцам уйти, как из-под стола донеслось мерное посапывание.

— Хр-р...

Наставник Фан, убиравший свитки, замер.

— Хр-р...

Старик потёр ухо и выглянул в окно, но не заметил поблизости ни одной бродячей кошки.

«Неужели галлюцинации? — подумал он, поглаживая иссиня-чёрную козлиную бородку. — Вроде бы не настолько я ещё стар»

— Хр-р... хр... — и в конце короткий икнувший звук: — Ик!

Наставник Фан резко обернулся к собственному столу.

«Ага! Вот ты где!»

Звук не был похож на кошачий. Скорее это напоминало дыхание спрятавшегося человека.

Фан холодно хмыкнул. Это было место, где обучались принцы, и он вознамерился выяснить, кто посмел здесь прятаться. В его голове проносились разные подозрения. Старик воинственно вскинул линейку, его борода гневно задралась. Он шагнул к столу, готовый показать любому злоумышленнику, что такое истинная воинская доблесть Великой Чжоу!

Хвать!

Занавеска взлетела вверх.

Крепко спящий ребёнок причмокнул губами, и в тот же миг потрепанный томик «Троесловия» с глухим стуком упал на пол.

Наставник Фан замер.

«Амитабха... Великий Лао-цзы... Пресветлый Конфуций... — пронеслось в его голове. — Да

откуда же здесь взялся этот младенец?!»

Ворвавшийся под стол сквозняк заставил Дубяню проснуться. Он медленно открыл глаза, сел, глянул на время в симуляторе и потянулся. Затем он повернул голову и...

...столкнулся взглядом с изборождённым морщинами лицом старика, который со всей суровостью взирал на него сверху вниз.

Цюй Дубянь оцепенел.

«Мамочки!»

Первым его порывом было развернуться и удрать, но Великий наставник Фан оказался быстрее. Старик подхватил его одной рукой и вытащил на свет.

— Ишь, вздумал бежать! А ну, вылезай!

Голос был знакомым — именно этот человек только что вёл урок.

Дубянь, беспомощно дрыгая в воздухе ножками, понял, что вырваться не удастся. Тогда он скорчил самую умильную гримасу.

— Учитель, опустите меня сначала, пожалуйста. Давайте поговорим как разумные люди.

Фан на мгновение замер, поражённый странным сходством в чертах лица этого ребёнка с кем-то знакомым. В его глазах мелькнула тень узнавания. Он поставил мальчика на пол, но не выпустил его руку.

— Говори.

Заметив на тыльной стороне ладони ребёнка синяк, старик нахмурился и невольно ослабил хватку.

— Здесь учатся принцы. Откуда ты взялся, малец, и почему ты тут появился?

Фан внимательно осмотрел незваного гостя. Мальчику было на вид года два-три, он был худ и мал ростом. Одежда... была поношенной. Другой рукой наставник выгреб из-под стола остатки вещей.

Скромный скарб предстал перед его глазами: половина обглоданного коржика, обломки угольных карандашей, три листка бумаги и две старые книги: «Троесловие» и «Тысячесловие».

Открыв «Троесловие» на заложенной странице, Фан обнаружил, что это именно то место, которое он разбирал сегодня. Текст был испещрён пометками и странными значками, похожими на головастиков — то ли детские каракули, то ли какая-то система обозначений.

Всё указывало на то, что ребёнок тайно подслушивал уроки.

С каждым мгновением выражение лица наставника становилось всё более странным.

Дубянь в это время мысленно оплакивал свой план.

«Какое фиаско! Попался в первый же день!»

«Всё из-за этого слабого детского тела — ну надо же было уснуть в самый ответственный момент!»

Мальчик всерьёз опасался, что его сейчас отпорют, и лихорадочно соображал, стоит ли раскрывать свою личность. Впрочем, догадаться было не так уж сложно: сколько детей в этом дворце могли...

— Ты что, плод греховной связи служанки и стражника? — внезапно спросил Фан.

Дубянь вскинул голову:

— Служанки?..

Наставник Фан, сохраняя суровость, напомнил ему о событиях прошлого. Покойный император не отличался строгостью нравов, и в его гареме царил такой хаос, что чиновники до сих пор вспоминали об этом с содроганием.

Когда нынешний государь взошёл на трон и принялся наводить порядок, вскрылось несколько случаев. Одна из служанок, которой было уже за двадцать, но она не могла покинуть дворец, тайно встречалась со стражником и родила ребёнка в заброшенных палатах. Позже обнаружилось ещё два подобных примера, только тех детей успели тайно вывезти из дворца.

Император был в ярости. Слуг казнили, а детей забрали теньевые стражи, и об их судьбе больше никто не слышал. Государя разгневала не только распущенность подчиненных, но и то, что живых младенцев выносили под носом у охраны. Сегодня вынесли ребёнка, а завтра введут убийцу! С тех пор порядки во дворце стали железными, а проверки — беспощадными.

Наставник лишь вскользь упомянул об этом.

— Так ты из тех детей, что рождены в тайне?

Дубянь быстро смекнул, в какую сторону дует ветер, и подхватил игру:

— А если и так, учитель? Вы выдадите меня?

Фан чуть приподнял бровь, и строгость на его лице немного смягчилась. Он поднял с пола «Троесловие» и небрежно пролистал его.

— И давно ты сюда лазаешь? Знаешь ли грамоту? Что успел выучить?

— Сегодня пришёл впервые, — осторожно ответил Дубянь. — А раньше... немного учился сам. Но знаю не больше того, что вы объясняли сегодня.

Фан вспомнил, что сегодня он разобрал лишь треть текста, ориентируясь на самого медлительного — Шестого принца.

— И всё, что я говорил, ты усвоил?

Дубянь решил прикинуться простачком:

— Что-то понял, что-то нет.

Наставник Фан едва заметно усмехнулся.

— Давай проверим. Коли ответишь верно — отпущу тебя на все четыре стороны и сделаю вид, будто и не встречал вовсе. Дворцовые интриги меня, как человека стороннего, не касаются. Но ежели ошибёшься — придётся передать тебя в руки здешним слугам.

Встреча с наставником была случайностью, но Дубянь решил, что это не самый худший поворот. Он мог бы использовать этот шанс.

— По рукам, — согласился мальчик. — Но только клянитесь предками. Кто нарушит слово, у того предок на том свете станет нищим вдовцом без гроша в кармане.

Рука наставника Фана дрогнула, он невольно выдрал пару волосков из собственной бороды и разразился приступом кашля.

И Шиэр, долго колебавшийся в тени, всё же занёс и эту фразу в свои записи.

<http://bllate.org/book/16117/1583137>